

**Алексей
Иванников**

**Поездка
за город**

Алексей Иванников

Поездка за город

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Иванников А. А.

Поездка за город / А. А. Иванников — «ЛитРес: Самиздат», 2002

Случалось ли вам, устав от шума и суеты, отправиться в шальное вольное путешествие, оставляющее за спиной ограничения и условности, но предусмотрев и придумав вполне законное алиби? Именно это происходит с главными героями романа, а встречающиеся на пути трудности и препятствия имеют непосредственное отношение к российской реальности 90-х годов, к диким джунглям, в которых двум лёгким мотылькам всё-таки удаётся уцелеть, опалив крылышки, но сохранив вольный весёлый дух: то, что остаётся всегда и чего не может уничтожить самая жестокая и несправедливая реальность. По жанру роман – лирическая сатира, по типу – роман похождений и философский роман в одном лице. Ближайшие аналоги – «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева и «За спичками» М. Лассила.

© Иванников А. А., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

«Поездка за город»

Роман

Не помню точно кому и в какой момент пришла в голову эта мысль: мы отмечали Андреев день рождения, по традиции собравшись в узкой мужской компании; женское общество не годилось для наших замыслов и могло только помешать, учитывая количество и качество припасённых напитков; и только в такой компании могла зародиться мысль, первоначально слишком вольная и смелая, вряд ли имевшая шансы появиться при наличии здесь же любимых жён и подруг, наверняка оказавших бы влияние на её дальнейшее развитие, не говоря о реализации. Но когда она была выражена, то никому не захотелось просто посмеяться и перевести разговор в шутку: все заинтересованно замолчали и уставились друг на друга, переваривая услышанное; затем родилось первое дополнение, конкретизирующее мысль и переводящее её из числа нереальных в разряд вполне допустимых и даже почти возможных. Новые предложения потекли рекой: мы обсуждали уже то, как это должно будет выглядеть на практике и к каким последствиям может привести, учитывая нынешнее семейное положение организаторов и участников: никто не хотел рисковать напрасно имевшимся семейным статусом, и в город П. решено было отправиться тайно, создав каждому вполне законное алиби.

Все мы несколько устали от радостей семейной жизни, и когда во время бурного застоя из глубин выплыло название этого городка – у одного из нас там оказалась родная сестра, вышедшая замуж и переселившаяся туда из самого центра столицы – то сразу же нашёлся ещё один собутыльник, вспомнивший это слово: в связи с некоей старой знакомой, не до конца ещё забытой. Не сразу, но мы всё же заставили признаться его в тайных грехах, совершённых уже после женитьбы и рождения дочери – которой шёл седьмой год; в последний же раз – как признался в конце концов испытуемый – он побывал в том городке два года назад, получив вполне радушный приём и дав твёрдое обещание непременно вернуться. Так что когда над столом, заставленным бутылками и закуской, вырвалось предложение махнуть туда всем вместе – втайне от жён и родственников – то никто не возразил, и даже больше того: все сразу протрезвели и начали предлагать, когда и как это можно было бы проверить, не подвергаясь лишнему риску и опасности быть раскрытыми и обнаруженными.

Только один из нас – я сам – мог обойтись без необходимости врать и придумывать себе алиби: это моя сестра вместе с мужем и двумя сыновьями проживала теперь в месте, ставшем таким желанным и притягательным. Однако и мне требовалось соблюдать осторожность: мы собирались не только к сестре, но и в другие места, не окончательно ещё определённые, о чём уже абсолютно никто не должен был знать или даже догадываться.

Однако через неделю один из возможных участников экспедиции – Андрей – отказался от замысла, сославшись на строгость семейного уклада: по его словам тёща настолько внимательно следила за его поведением, что малейшее отклонение оказалось бы сразу замечено, после чего могли последовать любые возможные санкции: вплоть до развода и выкидывания на улицу с одной парой сменного белья. Мы поняли его трудности и не стали настаивать: Алик и Серёга также были приезжими в этом городе, собиравшем со всех окрестностей всё самое лучшее, но не прощавшем никому – особенно пришельцам – малейших слабостей и недостатков. Алик был женат на такой же приехавшей покорять великий город провинциалке, своим же положением – работой в качестве личного шофёра директора строительства, а также квартирой – он был обязан себе сам, и не слишком потому опасался возможных последствий. Что же касается Серёги: его жена свято верила ему и любила, что подтверждалось недавним рождением уже третьего ребёнка. Мои же дела выглядели достаточно своеобразно: жена в качестве переводчика регулярно засиживалась в заграникомандировках, и неизвестно ещё: чем она занималась в оставшееся после работы время.

Так что мы не слишком расстроились и в предчувствии желанного дня начали готовить алиби: мы договорились отправиться, когда моя супруга отбудет с очередной миссией, чтобы

кто-то из оставшихся смог сослаться на меня: например, в качестве партнёра по рыбалке. Время от времени мы организовывали совместные вылазки на природу, и ничего удивительного не было в том, что в тёплый майский день мы отправлялись поудить карасей в одном из многочисленных прудов за городом: после нереста у них как раз наступило время жора, и вполне можно было рассчитывать на несколько килограммов свежей озёрной рыбы.

Разумеется, мы собирались соблюсти полную видимость рыбалки: и удочки, и черви, и тесто с растительным маслом должны были быть настоящими, не говоря уж о рыбе: на обратном пути мы планировали сойти на станции, рядом с которой находилось целое скопление водоёмов, и рыбаки – при удачном результате – часто приносили улов на перрон и продавали всем желающим. Что же касается удочек: у нас были как раз телескопические складывающиеся удильща, и мы вполне могли абонировать для них камеру хранения на ближайшем вокзале.

Однако мы не решились использовать данное прикрытие для всех троих: после совещания решено было, что на рыбалку отправляемся мы вдвоём с Аликом – иногда действительно любившим посидеть с удочкой. Для Серёги же мы сочинили иную легенду: его якобы просил помочь ещё один наш общий друг и товарищ, безусловно обещая подтвердить слова при любых свидетелях и очевидцах. Так что со спокойной душой и совестью мы ждали отбытия моей супруги в далёкие края, откуда она не смогла бы своим строгим взглядом понять и оценить готовящееся мероприятие.

Мы не испытывали никаких угрызений совести: все мы знали цену женской любви и верности, отягощённой продолжительной семейной жизнью: иллюзии давно растаяли и покинули нас, и мы вполне реально смотрели на отношения между мужчиной и женщиной. Главным специалистом считался Алик: красивый и заводной, он нравился многим и не считал грехом использовать личное преимущество, подкрепляемое ещё и выгодной работой: в качестве водителя, управлявшего “волгой”, он имел многочисленные возможности привлечь к себе внимание, уходя в то же время из зоны внимания любимой супруги. Ей же приходилось заниматься домашним хозяйством: маленькая дочь и квартира требовали очень много времени и сил, и бдительно следить за проделками мужа она просто не могла физически.

Несколько хуже обстояло дело у Серёги: очень уж сложно было ему выкроить и время и особенно деньги – разумеется, из левых заработков, нерегулярных и часто случайных, в последние же месяцы – после рождения третьего ребёнка – почти все подкожные он вынуждено отдавал в семью, и в финансовом отношении должен был стать одной обузой.

Я знал только про один его роман: он тянулся достаточно долго и завершился несколько месяцев назад, когда девушка – с которой он тайно встречался в рабочее время – перешла в другое место, простившись с прошлым. Вначале он переживал потерю, но потом вынужденно смирился, и с тех пор сохранял супружескую верность, подкрепляемую безденежьем. Он был хорошим парнем, вот только слишком серьёзным и сумрачным: и найти ещё одну девушку, которая согласилась бы встречаться с ним без надежды выйти потом замуж – было ему совсем непросто.

Что же касается моих дел: были и у меня некоторые возможности, но последние месяцы я также был чист и незапятнан с этой стороны: мы жили размеренной обычной жизнью, прерываемой поездками Ольги через каждые две-три недели в Европу и на Ближний Восток. В качестве переводчика ей приходилось сопровождать руководство фирмы по всем городам и весям, участвуя в деловых переговорах и просто беседах, и мне совершенно не нравилась такая работа: слишком уж часто приходилось слышать и читать обо всём, сопровождающем *подобную* работу, и однажды я почти убедился в подозрениях: но просто не захотел окончательно в них поверить.

Наша же дочь – которой исполнилось недавно пять лет – жила непостоянной кочевой жизнью: во время Ольгиных командировок мы отправляли её к Ольгиным родителям, всегда с радостью принимавшим внуку. Так казалось лучше и надёжнее: у них было куда больше опыта

в умении вести домашнее хозяйство, наша же квартира на время превращалась в холостяцкое жилище, где уже я один полностью распоряжался своим временем и собой.

Жена достаточно доверяла мне: возможно, она действительно в чём-то была виновата, и не навязывала мне взглядом или занятий, с которыми я не хотел иметь общего: в своей компании я обладал наибольшей свободой, и узнав о дне её отбытия, я сразу взял инициативу в свои руки. Я позвонил Алику – как раз в его отсутствие – и рассказал его жене о предстоящей рыбалке: чтобы дать первый толчок и развеять возможные сомнения. Она спокойно выслушала и почти согласилась: по её словам – в тот день они собирались к кому-то в гости – однако вполне могли бы отложить визит на будущее. “А кому же не хочется свежей рыбки?” Я расписывал дальше достоинства предстоящей рыбалки: возможность оторваться от изматывающей работы за баранкой, когда Алику приходится то долгими часами колесить по всему городу, а то наоборот: по полдня ждать в каком-нибудь месте, пока начальник стройки – наш общий руководитель – не отбудет с совещания или не покинет ресторан или сауну: любителем чего он являлся, заставляя Алика даже в выходные дни возить себя. Алик вынуждено подчинился: где он ещё мог найти работу, на которой – не имея прописки – он мог получить служебную квартиру и возможность сделать её в будущем своей собственностью: о чём он однажды по пьяному делу признался, выболтав лишнее.

Кроме того: вдвоём со мной он не напьётся и не останется валяться где-нибудь в кустах. “Вы ведь знаете: я не какой-нибудь алкоголик.” А насчёт червячков и теста: я уж сам позабочусь, так что Алику надо только не забыть свои удочки: желательно телескопические, потому что карась рыба вредная и непостоянная, и наилучший клёв возможен на максимальном расстоянии от берега.

Я говорил убедительно и заставил жену Алика поверить: всё это было правдой, вот только рыбалка ожидалась иного рода и типа: в ближайшую субботу мы собирались отправиться за русалками и нимфами, обитающими в тиши скромного и тёплого водоёма: о чём никто – кроме нас троих – не должен был знать или даже догадываться.

Мы были в полной готовности: только Серёга ждал до последнего дня, оттягивая согласие: в связи с прибавлением в семействе он был загружен разнообразной работой, и его могли ещё и не отпустить из дома. Так что меня не слишком удивило, когда накануне вечером – как и договаривались – он позвонил мне из автомата и с сожалениями отказался от поездки. “Ну ты же её знаешь: если она себе что вдолбила, то хрен потом у неё это выбьешь. А нам срочно надо покупать бельё и ещё кое-что: так что завтра с утра отправляемся на рынок. И денег тоже ни копейки: она сегодня последнее реквизировала. Так что извини.” Я понял возникшие трудности. “Ну ладно: тогда как-нибудь в следующий раз.” Мы попрощались, и я начал собирать вещи для завтрашней экспедиции.

Я достал маленький рюкзачок: его вполне должно было хватить для того запаса, который требовался для прикрытия. Садок для рыбы, полбатона хлеба и снасти в отдельном пакете служили нам оправданием, а плащ и тёплые носки могли на самом деле пригодиться в случае холодной дождливой погоды. Червей я не успел накопать: а ездить покупать их на рынок казалось ненужным излишеством, ничего на самом деле не дающим.

Кроме того я достал две удочки: телескопические шестиколенки лучше подходили для наших целей, поскольку наверняка должны были поместиться в камере хранения. Я крепко связал их вместе: удочки и рюкзак мы собирались оставить на вокзале.

Потом я занялся главным: из тайника на книжной полке я достал деньги: сто долларов и три тысячи рублей мне показалось вполне достаточно для намечаемого отрыва. потом я подумал и добавил ещё пятьдесят долларов: неизвестно было, куда мы можем ещё попасть, и не потребуются ли в этом случае большие запасы хрустящих красивых бумажек.

Я рассовал деньги в несколько разных мест: для этого годились и джинсы, и кожаная куртка, и какое-то количество рублей я положил в сумку на ремне, набитую всем необходимым: я собирался прихватить её завтра с собой в город П.

Перед отходом ко сну я созвонился с Аликом: мы окончательно определились с местом и временем встречи, и затем я принял душ: чтобы выглядеть свежим и достаточно привлекательным, без чего завтрашняя экспедиция вряд ли имела шансы на успех.

Я продрал глаза – как и планировал – без четверти шесть: оставалось как раз столько времени, чтобы побриться и наскоро перекусить. Для бодрости я развёл кофе; звонить Алику дополнительно я не стал: он был надёжным парнем, и если уж мы точно обо всём договорились: он не мог подвести и не приехать.

Город только просыпался – да и то плохо и неохотно: в тёплый субботний майский день мало кто выбирался на улицу в такую рань, и до самого метро я шёл по пустым чистым улицам, смоченным лёгким ночным дождиком и пропитанным дымкой, таявшей и испарявшейся на глазах. Похоже, сегодня ожидался действительно хороший клёв: ветер почти отсутствовал, а мелкие тучки – висевшие низко над землёй – могли как рассеяться, так и пролиться слабым грибным дождиком: вызвав у карасей повышенный аппетит.

Метро также оказалось почти безлюдным: сонная контролёрша лениво проводила взглядом мой проездной, восседая в стеклянной огороженной будке: я явно был для неё нежелательным гостем, и только по необходимости ей пришлось разлепить веки и ресницы, до того явно сомкнутые. Я устроился в середине поезда; переход на нужную мне линию находился в центре. Пока же можно было подремать и расслабиться.

Закрыв глаза я привалился к спинке; вагон раскачивался и дребезжал, а женский гнусавый голос оповещал об очередной остановке на тернистом долгом пути: их предстояло мне немало на сегодняшний день, и пока следовало побереечь энергию и силы.

К месту встречи – как раз у перехода – я подоспел позже Алика: в нетерпении он уже оглядывал окружающее пространство, и когда я вынырнул из-за спины и ткнул удочками ему под рёбра, он даже слегка разозлился. – “Нет: ну мне сколько ждать тебя ещё? Мы ведь договорились!” – “Да не уплывут они никуда: так что успокойся.” – Мне удалось погасить всплеск эмоций, и пока мы ехали в поезде, а потом поднимались на освещённую солнцем поверхность, Алик только сопел сбоку, ничем не проявляя недовольства или озабоченности предстоящим.

Потом мы оказались на вокзале: нечасто доводилось нам отправляться отсюда в дорогу, и местонахождение камер хранения мы выяснили далеко не сразу: они скрывались за длинным комплексом ларьков и магазинчиков, уходившим в бесконечность. Здесь уже было достаточнолюдно, и из каждого окна нам ласково кивали, побуждая оставить сотню-другую на напитки, сладости или журналы, заполнявшие стеклянные витрины сверху донизу. Наконец мы вняли: мы взяли бутылку коньяка, коробку конфет, а также две банки пива: чтобы не заскучать по дороге и быть в форме накануне долгожданного события.

Камеры хранения для вещей оказались какой-то новой конструкции: создатели явно сэкономили на внутреннем объёме, и с огромным трудом нам удалось впихнуть туда лишнее: в один из ящиков мы засунули удилища, а в другой – рюкзаки, переложив всё нужное в кожаные сумки. Мне достался коньяк, а Алику конфеты: теперь мы были во всеоружии, и ничего больше не отягощало нас и не связывало с постоянной обыденной жизнью, оставшейся за спиной.

Мы выбрали четвёртый вагон: здесь не гудел двигатель – как в третьем – и было меньше дачников, загромоздивших полки и проходы рюкзаками, тележками и коробками – свидетельством наступления нового дачного сезона. Забравшись в последний вагон, мы специально прошли весь поезд: раз уж мы собирались за нимфами и русалками, то вполне допустимо было бы уже с самого начала приступить к поискам: оценивая попутчиц, мы остановились там, где они показались нам привлекательнее.

Сбоку через проход сидели две молоденькие брюнетки, позади нас была очень красивая женщина с дочкой, а дальше по ходу находился целый цветник, состоявший из девушек всех типов и разновидностей: мы могли по крайней мере заняться в дороге обсуждением их достоинств и недостатков, при удачном же стечении можно было попытаться пойти на абордаж.

Для начала мы открыли пиво: для храбрости требовалось немного расслабиться, и кроме того надо было промочить слегка пересохшее горло. Нам стало лучше: ветер обдувал нас через открытое впереди окошко, освежая и взбадривая, мы допивали остатки тёмного ароматного напитка и уже прикидывали: с кого можно начинать.

Они сами вызвались и напросились: две брюнетки с другой стороны прохода неожиданно громко засмеялись, обсуждая что-то интересное, и вынудив нас пристальнее взглянуть в этом направлении. Одну мы нашли вполне достойной внимания: высокая довольно худая девушка с длинными волосами цвета воронова крыла грозила со временем превратиться в настоящую роковую женщину, ради которой кто-то мог отважиться и на серьёзные поступки. Её соседка выглядела простушкой и всего лишь создавала фон: явная провинциалка с простеньким круглым личиком и маленькими косичками никак не могла вдохновить нас; она мелко кудachtала и тряслась всем телом, наклоняясь и снова разгибаясь. Они сидели у окна, стиснутые со всех сторон другими людьми, и нам пришлось переключиться на другие кандидатуры.

Женщина за спиной выглядела явно старше, её же дочка наоборот не доросла до приемлемого возраста, и мы вкратце обсудили их очевидные достоинства: огромные выразительные глаза хорошо сочетались с белокурыми головками, хотя у мамыши взгляд несколько походил на взгляд коровы, пасущейся на зелёном лугу. Она и была такой коровой: достаточно упитанное тело заканчивалось толстенькими короткими ножками, и руки тоже не были тоненькими тростинками: на пухлых пальцах мы разглядели массивное обручальное кольцо, после чего сразу перешли к рассматриванию самого многочисленного скопления вдалеке.

В середине группы мы узрели высокую девушку цыганистого вида: она и ещё две попутчицы доедали мороженное, купленное у торговки. Почему-то они были одни: никто не сопровождал их в долгой утомительной дороге, и никто – насколько мы заметили – не положил на них глаз, что давало нам возможность самим сделать попытку.

Но пока мы доканчивали пиво: почти час ещё нам предстояло двигаться по бескрайней светлой равнине, уже окончательно проснувшейся: только что мы миновали станцию, где собирались купить на обратном пути карасей, и несколько мужчин с полными наборами удочек именно здесь покинули вагон, присоединившись к большому скоплению, спешившему в нужном направлении.

Мы не торопили время: засунув опустевшие банки под сиденье, мы купили по “эскимо”: сегодня мы отдыхали на полную катушку, и сладкое мороженное вполне согласовывалось с ароматной кислятиной бархатного пива, уже бродившего в крови.

Наконец мы закруглились: палочки с обёрткой полетели по кривой траектории в канаву за окном, а мы ещё раз внимательно огляделись: в поисках возможных конкурентов. Вокруг было тихо и спокойно: кто-то сладко дрых, не выпавшись за ночь, многие читали газеты или книги, прихваченные из дома, и ни один из попутчиков явно не претендовал на знакомство: мы поднялись, и Алик – как главный специалист – медленно двинулся по проходу, сверля взглядом по очереди всех троих.

Однако не судьба нам было пересечься и встретиться в этой жизни: благосклонно приняв первый натиск, красавицы дружно послали нас при попытке получить телефончики и обосноваться на ближних подступах: пока мы зализывали раны и восстанавливали душевное равновесие, они быстро упорхнули и оставили нас переживать свой позор, чем нам и пришлось заниматься до самой конечной станции под осуждающими суровыми взглядами со всех сторон.

Но когда мы вытряхнулись на перрон, стало значительно легче: под лучами дневного светила мы сразу проснулись и вспомнили о главной задаче: с интересом провести время, так

скупо отмеренное нам судьбой. Вначале мы решили отправиться к моей сестре: официальная часть сегодняшней программы требовала от нас собранности и кристальной трезвости, и только потом уже можно было не стеснять себя в количестве и качестве напитков, туманящих душу и сознание.

До дома сестры шёл автобус, чья остановка находилась совсем рядом: у водонапорной башни автобусы начинали свой путь и здесь же его заканчивали, избавившись от ненужного балласта. Пока же мы встали напротив башни, оклеенной сверху донизу листочками и плакатами, что-то обещавшими и к чему-то призывавшими.

Выше всего раскинулся длиннющий транспарант, оповещавший всех о неслыханном счастье: быть обитателем П. Мы ничего не имели против, и только порадовались за наших близких, уже наделённых всем этим, а также приобщённых к главнейшим благам мировой цивилизации, о чём сообщал чуть менее скромный транспарант ниже: согласно ему в ближайшие дни в городе намечался концерт некоей эстрадной суперзвезды в рамках чуть ли не мирового тура. Возможно, мы и пошли бы на концерт, прихватив с собой самых близких: только он планировался не сегодня, и неизвестно ещё, хватило бы наших денежных запасов на билеты, не говоря уж обо всём остальном.

В средней части башни налезали друг на друга несколько плакатов размером с газетный лист с чьими-то портретами посередине: только внимательно разглядев надписи мы поняли их предназначение: оказывается, здесь готовились местные выборы кого-то куда-то, и все развешанные являлись вероятными кандидатами на высокую должность. Жизнь была здесь горячим ключом и орошала окрестности, что подтверждалось и прочими сообщениями, извещениями и напоминаниями уже чисто коммерческого характера: например, о приёме всех страждущих известным магом и целителем, или о работе собачьего питомника, поставляющего животных самых разнообразных и редких пород. Мелкие записки облепляли уже толстые наслоения, и чтобы понять их содержание – накарябанное ручкой или фломастером – требовалось уже подойти к подножию башни.

Спустившись к самому низу конструкции, наши взгляды наконец заметили её: пожилая оборванная женщина уже давно, видимо, стояла перед нами, протянув руку: жалко улыбаясь, она просила деньги, и в такой светлый праздничный день мы не могли ей отказать: порывшись в карманах, я дал ей две монетки, а потом ещё одну – значительно крупнее – и тогда она радостно закудаhtала, прославляя щедрость и доброту. К счастью тут же подкатил автобус, и мы – взбодрённые и обласканные – отвязались от нищенки, продолжавшей увиваться вокруг в горячей надежде на продолжение.

Очень удачно мы приткнулись к окошку в хвосте автобуса: чуть ли не полчаса надо было ехать до нужной остановки, и желательно было оказаться в тихом месте, неподвластном переменам. Мы заплатили контролёрше: упитанная тётя бойко перекачывалась по всему салону, расталкивая как кегли наших попутчиков и замечая всех и каждого. Сумки мы положили перед собой на перекладину: неизвестно, кто ещё ехал вместе с нами, и лучше было обезопасить себя от неприятных случайностей.

Город, похоже, жил выборами и был занят выяснением того, кто должен будет возглавить местную администрацию: именно так мы поняли смысл многочисленных транспарантов и плакатов, облепивших теперь уже всю улицу: узкие длинные полотнища нависали над трассой, прославляя по очереди кандидата с привычной широко распространённой фамилией и ещё одного – с более экзотической и трудновыговариваемой. Они мирно уживались в недалёком поднебесье, совершенно забив и вытеснив все прочие фамилии, жавшиеся кое-где на деревянных заборах и оградах, или специальных щитах для рекламы. Среди восхвалений и дифирамбов мелькнуло несколько надписей явно хулиганского характера: начертанные мелом от руки буквы обвиняли конкурентов в разнообразных смертных грехах, вплоть до самых тяжких. Скорее всего, их не успели ещё замазать мокрой тряпкой, и по их характеру можно было

судить о размахе борьбы за руководящее кресло: сулившее, видимо, столь много благ упорным соискателям.

Однако на наших попутчиков, судя по всему, свистопляска вокруг не оказывала воздействия: никто из ближайших к нам ни разу так и не вспомнил о готовящемся событии и не упомянул чью-нибудь из мелькавших снаружи фамилий: наверно, они давно притерпелись и привыкли к имевшему здесь место политическому мордобою, и пропускали всё мимо сознания, как травоядные животные на пастбище: их лично не затрагивали все эти страсти и метания, и они мирно продолжали щипать травку, в полной уверенности в своём будущем.

Нам тем более были безразличны местные выяснения отношений: сложностей нам хватало на работе, в политические же дразги мы никогда и не собирались соваться, вполне ограничиваясь посильным участием в важнейших выборах: когда на участки завозили дешёвое пиво. Уж здесь никто не стал бы отлынивать и халтурить, и даже Алик – не самый нищий и обездоленный из нас – честно приходил и бросал бюллетень – куда требовалось – после чего загрузался на полную катушку, обеспечивая себе долгую приятную жизнь.

Нас вполне устраивали такие отношения: власть не трогала нас, а мы добросовестно и честно не замечали её недостатков и прегрешений: какое нам было до них дело, когда на повестке стояли более значительные события и дела: очередные провальные выступления футбольной и хоккейной сборной, а также скандалы на сексуальной почве, случившиеся в последнее время в разных местах планеты. Если в оценке спортивных происшествий мы в целом совпадали, дружно ругая всеобщую продажность и отсутствие патриотизма, то при обсуждении постельных дел – главным образом руководителя очень крупного государства – примеривали происходящее на себя: длинный список любовниц и партнёрш разбирался позвенно, после чего каждое звено подвергалось персональному обследованию. Мы сравнивали их с собственными жёнами и знакомыми, далеко не всегда высоко оценивая вкус и выбор объекта скандальных разоблачений, и таким образом заметно поднимая себя в собственных глазах.

Иногда же – совсем уж расходясь и окончательно теряя скромность – кое-кто шёл ещё дальше: тот же Алик мог, к примеру, подробно рассказать, что, с кем и сколько раз он стал бы делать. Приводя примеры из прошлой жизни – с достаточно скабрёзными деталями и подробностями – он описывал иногда такие вещи, что самые нестойкие стыдливо краснели и недоверчиво переспрашивали: не до конца веря геройским подвигам. Однако Алик не отступал: он мог вспомнить и место, и обстоятельства знакомства, и даже иногда точную дату события, так что скептикам оставалось тяжело вздыхать и завидовать.

Пару раз он оказывался замешанным в историях с общими знакомыми: и те полностью подтверждали его геройство и выдающийся потенциал: видный и без того невооружённым глазом. Уж если Алик намечал себе цель, и получал достаточный простор и материальные возможности: то очень часто добивался желаемого, сегодняшний же провал в поезде стал явным следствием неподготовленности и спешки.

Его собственная жена – Марина – была покрасивее тех нахальных вертихвосток и доставалась ему в своё время – по слухам – в непростой борьбе с весьма опасным соперником: работавшим инженером в смежной организации. Однако Алик знал своё дело: бешеная активность и умение нравиться перевесили аргументы другой стороны, и уже лет восемь или девять они жили вместе, оставаясь вполне удовлетворёнными сложившимся положением.

Он был хорошим парнем и хорошим водителем, и многие знакомые нашего руководителя – директора стройки – завидовали ему и предлагали Алику перейти к ним, неизменно натываясь на отказ: он и так уже имел всё нужное в этой жизни: работу, жену, ребёнка, квартиру, возможность заниматься халтурой в оставшееся от работы время и возможность ходить налево: после остальных дел и забот. Он не смог бы прожить без всего этого: уж так он был устроен, и тянувшийся за ним шлейф бывших подруг и любовниц делал его увереннее и убеждал в правильности подхода: делающего жизнь такой приятной и уютной.

Со многими из них он продолжал встречаться и после того, как завершался очередной медовый месяц: он мог вспомнить о старой пассии и через месяц, и через год, и даже больше, а многие из них и сами пытались вернуть его: пускай и на непостоянной временной основе. У него, безусловно, имелось много достоинств, вполне адекватно оцениваемых, и с таким напарником можно было многого достичь в намеченном нами деле.

Пока же мы отрабатывали официальную часть программы: уже больше года я не виделся с сестрой и её семейством, и следовало возобновить отношения, прервавшиеся из-за общей загруженности. Очень редко в последние годы она выбиралась в столицу: заботы о сыновьях и муже отнимали слишком много времени и сил, общение же по телефону не давало полной информации: у наших родителей даже сложилось впечатление о некотором неблагополучии, и я должен был разведать обстановку.

Я не помнил точного адреса и всегда ориентировался здесь по зрительной памяти: нужная нам остановка была после длинного забора, обнесённого вокруг приземистых серых зданий: гаражи вторгались в лесной массив, портя и уродуя красивое удобное для жизни место: сосны и ели, и кое-где берёзы подходили здесь к самой дороге, создавая здоровый микроклимат. Сам же дом находился чуть дальше: жёлтая пятиэтажка была началом цепочки зданий, растянувшихся вдоль дороги и уводивших город всё дальше и дальше в дурную бесконечность: он плавно перетекал в населённый пункт с другим названием и – вполне возможно – соединялся дальше с другими посёлками и городами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.